

УДК 930

Великая княгиня Елизавета Федоровна и «Седмиозерное дело»: старые версии и новые факты

А. А. Хохлов,

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

Grand Duchess Elizabeth Feodorovna and “Sedmiozernoye case”: old versions and new facts

A. A. Khokhlov,

*Kazan Federal University,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

В мае 1908 г. архиепископом Казанским и Свияжским Никанором (Каменским), только что вступившим на архиерейскую кафедру, было инициировано следственное дело в отношении наместника пустыни, широко известного подвижника и аскета схиархимандрита Гавриила (Зырянова) о растрате 10 тысяч монастырских рублей. Процесс получил наименование «Седмиозерное дело». Следствие вызвало широкий резонанс в среде православной общественности, проходило с нарушениями и вовлечением личных мотивов архиерея и его приближенных. Результатом стало увольнение и изгнание Гавриила из Казанской епархии с дальнейшими требованиями возмещения якобы нанесенного монастырю финансового ущерба. Несмотря на готовящуюся в Русской православной церкви канонизацию старца в лике общероссийских святых, ранее уже прославленного как местночтимого, его историческая реабилитация так и не состоялась. Автор ставит своей целью раскрытие слабо исследованных обстоятельств указанной истории. На основе новых архивных материалов Псковской области и Республики Татарстан, углубляется рассмотрение ранее выдвинутой версии о вмешательстве в дело представителей императорской фамилии и иных влиятельных лиц, с целью прекращения преследования Гавриила со стороны казанского архиерея. Большинство документов впервые вводится в научный оборот. Делается вывод о том, что благотворное участие великой княгини Елизаветы Федоровны – духовной почитательницы старца – вполне могло иметь место.

Abstract

In May of 1908, Archbishop Nikanor (Kamensky) of Kazan and Sviyazhsk, who had just joined the cathedra, initiated an investigatory case against the Abbot of the Monastery and a well-known hermit and ascetic, Archimandrite Gabriel (Zyryanov), on the embezzlement of 10.000 rubles that belonged to the Monastery. The process was known as “Sedmiozernoye case”. The investigation gained a wide response among the Orthodox community, it was conducted with

violations and involved personal motives of the Bishop and his entourage. It resulted in the dismissal and expulsion of Gabriel from the Kazan diocese with further claims for compensation for the allegedly financial damage to the Monastery. Despite the upcoming canonization of the monk in the Russian Orthodox Church as one of the all-Russian Saints, who had already been locally venerated, his historical rehabilitation never took place. The author aims to provide insight into the insufficiently studied circumstances of the mentioned story. Based on the new archival materials from Pskov region and the Republic of Tatarstan, the article more thoroughly studies the previously set out inference of the interference into the case of the representatives of the Imperial family and other influential persons to stop Gabriel's prosecution by Bishop of Kazan. Most of the documents are introduced into scientific discourse for the first time. It is concluded that the beneficent participation of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, who was a spiritual admirer of the monk, might have taken place.

Ключевые слова

Гавриил (Зырянов), Никанор (Каменский), «Седмиозерное дело», великая княгиня Елизавета Федоровна, архиерей, Спасо-Елеазаров монастырь.

Keywords

Gabriel (Zyryanov), Nikanor (Kamensky), "Sedmiozernoye case", Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, Bishop, Spaso-Eliazarov Monastery.

В предыдущих публикациях, посвященных «Седмиозерному делу», нами была выдвинута версия, согласно которой, к прекращению преследования наместника Богородицкой Седмиозерной пустыни схиархимандрита Гавриила (Зырянова) и монастырского эконома иеромонаха Тихона (Бузова) со стороны архиепископа Казанского и Свияжского Никанора (Каменского) могла быть причастна великая княгиня Елизавета Федоровна¹. На предположение о вмешательстве извне навел факт довольно резкого прекращения дела Казанской духовной консисторией в феврале 1910 г. Хронология и содержание этих событий нами подробно изложены в предшествующих работах. Здесь целесообразно ограничиться лишь их кратким обобщением.

Внимание архиерея к названному делу не ослабело после отбытия Гавриила из Казани в Псков. Идея во что бы то ни стало вернуть в епархиальную казну якобы растраченные в период наместничества старца 10 тысяч монастырских рублей, не покидала архиепископа Никанора. Усилия по взысканию недостающих сумм были им сосредоточены в двух направлениях: через Псковскую духовную консисторию давление оказывалось непосредственно на Гавриила, а с другой стороны – на находящегося в тюрьме в Чебоксарском Свято-Троицком

*Великая княгиня Елизавета Федоровна.
Grand Duchess Elizabeth Feodorovna.*

монастыре иеромонаха Тихона. Ни тот, ни другой подход, спустя два года после начала следствия, результатов не принесли. Но епархиальное руководство в лице правящего архиепископа, а также нового наместника Седмиозерной пустыни архимандрита Андроника (Богословского) – alter ego Никанора – не планировало ослаблять хватку. Тем не менее, резолюция консисторского секретаря на очередной многостраничной жалобе Андроника на возмещенный материально-финансовый ущерб пустыни со стороны Гавриила фактически положила конец «Седмиозерному делу».

Документов, проливающих свет на причины решения церковных властей, к сожалению, не сохранилось. Но факт остается фактом: Гавриил смог, наконец, зажить спокойно в Псковском Спасо-Елеазаровом монастыре без одергиваний из Казани, а Тихон, будучи восстановленным в священнослужении, был отпущен на свободу и покинул пределы Казанской епархии.

Но предположение о вмешательстве в следственный процесс самой великой княгини – одной из немногих, кому было под силу защитить знаменитого подвижника перед лицом «церковного генерала» – споткнулась о хронологическую проблему: не сохранилось документов, прямо свидетельствующих о точном времени знакомства Елизаветы Федоровны и старца Гавриила. Все существующие в литературе на сегодняшний день версии – ничем не подтвержденные предположения. При наличии данных обстоятельств, даже гипотетическая версия заступничества великой княгини выглядит шаткой. Однако внимательный анализ биографического сочинения ученика старца Гавриила архимандрита Симеона (Холмогорова) «Един от древних»² позволил нам, в конечном счете, придти к выводу, что в январе-феврале 1910 г. старец и Елизавета Федоровна вполне могли быть знакомы³. Если это так, то протекция великой княгини в «Седмиозерном деле» превращается из гипотезы в наиболее обоснованную из имеющихся версий.

*Схиархимандрит Гавриил (Зырянов).
Schema-Archimandrite Gabriel (Zyryanov).*

Ранее мы отмечали, что практика помощи и ходатайства со стороны Елизаветы Федоровны, персонально или перед различными инстанциями, за близких ей лиц находит подтверждение в источниках⁴. Однако ее особое отношение к монашествующим и монастырским делам, в силу личной религиозности, просматривается в документах не менее ясно. В период пребывания Гавриила (июль 1908 – август 1915 г.) в Спасо-Елеазаровом монастыре, пустынь и ее насельники становятся объектом заботливого внимания и участливости со стороны великой княгини, являвшейся духовной дочерью старца. О ее отношении к обители наглядно свидетельствует письмо брату Эрнсту, датируемое 1911 г.: «Дорогой Эрн, я немного отдыхаю в маленьком монастыре в лесу около Пскова, там, где проживает дорогой старец

Гавриил – об этом я рассказывала тебе перед моей поездкой в монастыри Новгорода и Пскова. Какое это сокровище, как это прекрасно!...»⁵.

Вероятно, именно личность Гавриила, являвшегося в то время братским духовником, играла здесь ключевую роль, выступая своего рода объединяющим множество людей символом подлинной христианской аскезы. На этом фоне имя великой княгини и ее благосклонность активно использовались близкими к старцу иноками в решении различных вопросов внутренней жизни монашеских общин, в то время как канцелярия Елизаветы Федоровны выступала в этом деле практическим инструментом. Это покровительство распространялось не только на псковские, но и на монастыри других епархий Русской церкви, с которыми в рамках тех или иных обстоятельств была связана братия Елеазаровой пустыни. В Государственном архиве Псковской области сохранился интересный документ того времени – извещение Курской духовной консистории на имя настоятеля Елеазарова монастыря, раскрывающее принципы функционирования этого протекционистского механизма. Консистория просит настоятеля объявить насельнику монастыря иеродиакону Рафаилу, «что прошение его, адресованное на имя ее императорского высочества Елизаветы Федоровны, о печальном состоянии Глинской пустыни Курской епархии, присланное секретарем ее высочества по принадлежности в Курскую духовную консисторию, оставлено без последствий, так как дело о нестроениях в Глинской пустыни курским епархиальным начальством рассмотрено, и по нему уже состоялось решение»⁶.

Указанное извещение является отнюдь не единичным характерным документом, свидетельствующим о ходатайствах Елизаветы Федоровны. В деле, к примеру, содержится ее прошение о положительном решении для Спасо-Елеазаровой

Седмиозерная пустынь.

Sedmiozernaya Monastery.

*Архиепископ Казанский и Свияжский
Никанор (Каменский).*

*Archbishop of Kazan and Sviyazhsk Nikanor
(Kamensky).*

пустыни вопроса о лесном наделе «Литвиновская дача», датируемое 22 января 1912 г.⁷ И если так, почему в череде прочих «Седмиозерное дело» должно было быть исключением? Ведь в этом случае речь шла непосредственно о благополучии ее духовного наставника.

Появление в нашем арсенале новых источников дало возможность не только аргументированно укрепить ранее выдвинутую версию, касающуюся роли тех или иных лиц в «Седмиозерном деле», но и прояснить некоторые аспекты, играющие важную роль в его объективном раскрытии. Так, вопреки выводу, отразившемуся в наших предыдущих работах, о том, что со смертью архиепископа Никанора в ноябре 1910 г. дело в отношении схиархимандрита Гавриила и иеромонаха Тихона, как в фактическом, так и в психологическом плане, окончательно кануло в Лету, потребовалась существенная коррекция позиции, благодаря вновь открывшимся документам.

В Государственном архиве Псковской области сохранилось дело «По отношению Казанской духовной

консистории о взыскании с архимандрита Семиозерной пустыни, ныне находящегося в Спасо-Елеазаровой пустыни 10 000 рублей за причиненный ущерб Семиозерной пустыни»⁸. Несмотря на незначительный объем, дело крайне важное в содержательном плане и позволяет взглянуть на указанную проблему глазами Псковской духовной консистории. Обратимся к нюансам, следующим из него.

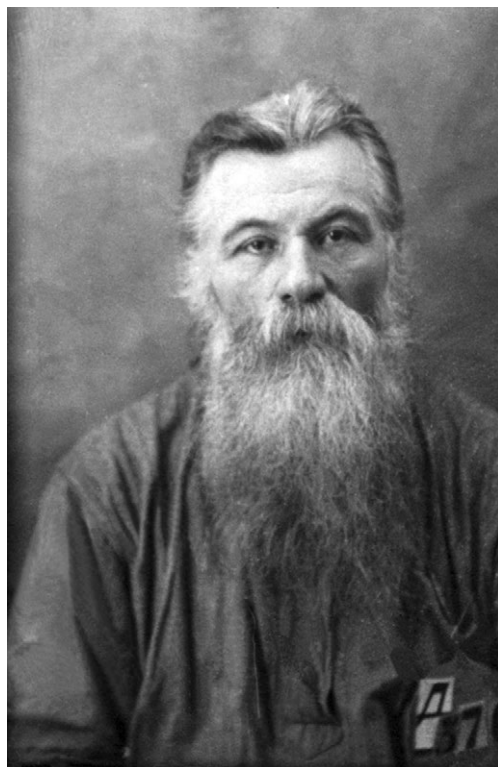
Ранее в ходе исследования нами была введена в научный оборот копия одного из казанских консисторских запросов в Псков, оригинал которого, на удачу, сохранился и в обозначенном деле. Первоначально документ позволил сделать вывод, что после того как Гавриил в конце июля 1908 г. покинул пределы Казанской епархии, внимание владыки Никанора и архимандрита Андроника к «Седмиозерному делу» не исчезло, а, ослабнув на некоторое время, вновь было актуализировано. Это стало важным открытием, поскольку в среде православной общественности (научных работ, посвященных указанному вопросу, до сих пор не имеется) сохраняется стойкий стереотип, что отбытие старца в другую епархию положило конец этой неоднозначной истории. Заслуживающим внимания представляется и то, что дело Псковской духовной консисторией было начато в декабре 1908 г. На этом основании напрашивается вывод не о спонтанности возвращения следователей к уже потерявшему актуальность вопросу, как предполагалось ранее, а об их последовательности и принципиальности в достижении ранее намеченной цели. Настолько, что утрата

прямой церковно-канонической юрисдикции Никанора над Гавриилом первым в качестве препятствия де-факто не воспринималась.

Обозначенный запрос Казанской духовной консистории в Псков датируется 22 декабря 1908 г.⁹ В нем Гавриилу, помимо прочего, инкриминируются пагубные последствия финансовых злоупотреблений, «следствием чего явилась задолженность пустыни разным торговым заведениям»¹⁰. Однако обвинение в том, что финансовая брешь в монастырских финансах, в конечном счете, привела к невыполненным обязательствам перед одной из сторон некогда имевшего место хозяйственного договора, ранее не фигурировало в следственных документах. Исходя из этого, позволим себе высказать этическое суждение: епархиальная власть не удержалась от информационной недобросовестности. Впрочем, в деле она прибегала к ней не единожды.

Обязанная отреагировать, Псковская духовная консистория поступила вполне конструктивно: переадресовала старцу запрос через настоятеля Елеазарова монастыря игумена Иувеналия (Масловского) – духовного воспитанника Гавриила, выпускника Казанской духовной академии. При этом Казани было выдвинуто условие: требование о возмещении будет выполнено только в случае признания Гавриилом своей вины в растрате¹¹. Но старец вину не признал¹². Вместо этого он представил рапорт с собственной интерпретацией проблемы и дал ей аргументированную оценку: монастырь в период его наместничества не пришел в упадок, в чем его пытались обвинить, а стал существенно богаче.

Покровительство псковского архиерея Арсения (Стадницкого) и его явное благоволение к Гавриилу, несколько оправившемуся от потрясений и, судя по рапорту, готовому к контратаке, должны были охладить следовательский пыл архиепископа Никанора. Демонстративную роль должно было сыграть и то, что подготовка и пересылка ответа приняла затяжной характер. Поручение Псковской консистории игумену Иувеналию последовало 14 января 1909 г. и было исполнено 17 января¹³. Однако об уведомлении своего духовника Иувеналий отчитался перед консисторией только 5 февраля¹⁴. Письменный отзыв старца был готов 24 февраля, а решение о его отправке в Казань принимается и того позже – 14 марта¹⁵. На столе у Никанора рапорт оказался только в апреле 1909 г. Архиерею и новому наместнику Седмиозерной пустыни не оставалось ничего иного, как усилить нажим на находившегося под их властью иеромонаха Тихона – близкого Гавриилу человека, что и было сделано.

Иеромонах Тихон (Бузов).

Hieromonch Tikhon (Buzov).

Псковское дело важно и по другой причине. Оно, вопреки прежним выводам, убеждает в том факте, что прекращение преследования Казанской духовной консисторией Гавриила и Тихона в феврале 1910 г. было только рубежом «Седмиозерного дела», но не его окончательным завершением. В декабре 1913 г. Псковская консистория направляет в Казань отношение за № 19635, текст которого, к сожалению, не сохранился. Суть его, судя по ответу из Казанской консистории, сводилась к запросу оценки епархиальной властью и лично архиепископом Казанским и Свияжским Иаковом (Пятницким) – преемником архиепископа Никанора на архиерейской кафедре – статуса Гавриила, как некогда фигуранта «Седмиозерного дела». Ответ последовал вскоре и был благоприятным для старца: сообщалось о принятом в Казани решении не подвергать его ответственности¹⁶. Однако мотив заключался не в признании невиновности старца, а в причинах второго и третьего порядка: тяжкая болезнь, исключительное положение схимника, понимание того, что он не мог проникнуть во все нюансы обширного монастырского хозяйства, и прочее¹⁷. Таким образом, ранее озвученный нами тезис о формальном сохранении вины за Гавриилом после смерти владыки Никанора и уклонении Иакова от вопроса о полной реабилитации старца по фактическим обстоятельствам дела (или нежелании архиерея его пересматривать), вновь оказывается подтвержденным. Напомним, что сам Гавриил категорически отрицал ущерб, в подтверждение чего, с его слов, у него некогда имелись финансовые документы, которые при новой администрации Седмиозерного монастыря оказались ею украдены.

Кому в Пскове понадобилось вновь поднимать вопрос о «Седмиозерном деле», спустя четыре года после его прекращения и ухода в мир иной гонителя старца – архиепископа Никанора, вопрос остается открытым. Но главное, каковы были мотивы этого шага? Между тем, 13 августа 1914 г. Псковская духовная консистория даже провела по этому поводу специальное заседание¹⁸. Отвечая на него, мы можем опираться только на предположения.

Обратим внимание на тот факт, что специальным заседанием Псковской консистории действительно ставилась точка в этой темной истории. Однако его протокол оформлен довольно небрежно и краток по содержанию. Не исключено, что дело решалось в спешке и с формальным прицелом. Символично, что излагая позицию архиепископа Никанора, консисторский секретарь допустил ошибку. В предложении «По поводу сего Высокопреосвященнейшим Никанором, Архиепископом Казанским предложено объявить бывшему наместнику пустыни Архимандриту Гавриилу, состоящему ныне в Спасо-Елеазаровом монастыре, что он внес возможную сумму на возмещение причиненного им пустыни материального ущерба» вместо союза «чтобы» (согласно контексту протокола), служащий употребил местоимение «что»¹⁹. Это радикальным образом поменяло смысл сообщения казанского архиерея. Получалось, что какую-то сумму (возможную для Гавриила) старец Седмиозерному монастырю все же возместил. Однако, это частности.

Вероятно, в формальном завершении дела и его «своевременной сдаче в архив»²⁰ был заинтересован новый псковский архиерей Евсевий (Гроздов) – исходя из сугубо делопроизводственной необходимости. Но возможно и то, что в окончательном освобождении старца (именно в документальном плане) были заинтересованы его духовные почитатели – та же Елизавета Федоровна. Они оказались настолько влиятельными, что смогли инициировать по уже покрывшемуся канцелярской пылью вопросу консисторское заседание. Если это так, то доброжелатели Гавриила поступили в высшей степени предусмотрительно: Псковская консистория

заручилась официальным письменным ответом из Казани, согласно которому, несмотря на формальное признание за Гавриилом вины, преследование по указанным обстоятельствам ему в перспективе более не грозило. Так оно и случилось. Вернувшийся в Казань в августе 1915 г. старец консисторией по этому вопросу вплоть до своей смерти (в октябре того же года) не привлекался.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Хохлов А. А. Обстоятельства кончины старца Гавриила (Зырянова) (1844-1915). Историко-антропологический этюд // История: факты и символы. – 2019. – № 3 (20). – С. 94-104; *он же*. По пути мытарств. «Седмиезерное дело» осенью 1908 – зимой 1910 гг. // Христианское чтение. – 2019. – № 4. – С. 216-223; *он же*. Дело наместника Казанской Богородицкой Седмиезерной пустыни схиархимандрита Гавриила (Зырянова). Очерк антропологии церковной морали в свете событий 1908 года. – Казань, 2019. – С. 77-82.
2. Симеон (Холмогоров), архим. Един от древних: Схиархимандрит Гавриил, старец Седмиезерной и Спасо-Елеазаровой пустыней: Жизнеописание. Творения. Письма / Сост. и общ. ред.: иерей Андрей Лобашинский. – М., 2003.
3. Хохлов А. А. Дело наместника Казанской... – С. 79-80.
4. Тютюнник Л. И. Письма Великой княгини Елизаветы Федоровны к Императрице Марии Федоровне 1883-1916 гг. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. – М., 2001. – С. 35.
5. Миллер Л. П. Святая мученица Российская Великая княгиня Елизавета Феодоровна. – М., 2006. – С. 198.
6. Государственный архив Псковской области (ГАПО), ф. 340, оп. 2, д. 5, л. 171.
7. Там же, л. 172.
8. Там же, ф. 39, оп. 2, д. 1427, л. 8.
9. Там же, л. 1.
10. Там же.
11. Там же, л. 2.
12. ГА РТ, ф. 4, оп. 1, д. 122924, л. 173 об.
13. ГАПО, ф. 39, оп. 2, д. 1427, л. 2.
14. Там же, л. 3.
15. Там же, л. 3 об.
16. Там же, л. 4-4 об.
17. Там же, л. 4 об.
18. Там же, л. 5-6 об.
19. Там же, л. 5 об.
20. Там же, л. 6.

Список литературы

Симеон (Холмогоров), архим. Един от древних: Схиархимандрит Гавриил, старец Седмиезерной и Спасо-Елеазаровой пустыней: Жизнеописание. Творения. Письма / Сост. и общ. ред.: иерей Андрей Лобашинский. – М., 2003. – 538 с.

Тютюнник Л. И. Письма Великой княгини Елизаветы Федоровны к Императрице Марии Федоровне 1883-1916 гг. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. – М., 2001. – 198 с.

Миллер Л. П. Святая мученица Российская Великая княгиня Елизавета Феодоровна. – М., 2006. – С. 198.

References

Simeon (Kholmogorov), arhim. *Yedin ot drevnih: Shiarhimandrit Gavriil, starets Sedmiozernoy i Spaso-Yeleazarovoy pustyney: Zhizneopisanie. Tvoreniya. Pisma. Sost. i obshch. red.: ierey Andrey Lobashinskiy* [Lobashinskiy A. (ed.) The one from the ancient: Schema-Archemandrite Gabriel, the monk of Sedmiozernaya and Spaso-Eleazarovskaya monasteries]. Moscow, 2003, 538 p.

Tyutyunnik L. I. *Pisma Velikoy knyagini Yelizavety Fedorovny k Imperatritse Marii Fedorovne 1883-1916 gg.* [Letters of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna to Empress Maria Feodorovna dated 1883-1916]. IN: *Rossiyskiy Arhiv: Istoriya Otechestva v svidetelstvakh i dokumentakh XVIII-XX vv.: Almanah* [The Russian Archive: The history of the motherland in records and documents of the 18th-20th centuries]. Moscow, 2001, 198 p.

Miller L. P. *Svyataya muchenitsa Rossiyskaya Velikaya knyaginya Elizaveta Feodorovna* [The Saint Martyress of Russia, Grand Duchess Elizabeth Feodorovna]. Moscow, 2006, p. 198.

Фото предоставлены автором статьи.

The photos are submitted by the author of the article.

Сведения об авторе

Хохлов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнографии Института международных отношений Казанского федерального университета, e-mail: a_radiance@mail.ru

About the author

Alexander A. Khokhlov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Department of Anthropology and Ethnography, Institute of International Relations, Kazan Federal University, e-mail: a_radiance@mail.ru

В редакцию статья поступила 14.01.2021, опубликована:

Хохлов А. А. Великая княгиня Елизавета Федоровна и «Седмозерное дело»: старые версии и новые факты // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2021. – № 1. – С. 86-94.

Submitted on 14.01.2021, published:

Khokhlov A. A. *Velikaya knyaginya Elizaveta Fedorovna i "Sedmiozernoe delo": starye versii i novye fakty* [Grand Duchess Elizabeth Feodorovna and "Sedmiozernoye case": old versions and new facts]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2021, no. 1, pp. 86-94.